

ТЕКСТ И ДИСКУРС: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

А.А. Карамова

Рассматривается дискуссионный вопрос соотношения смежных лингвистических понятий (текста и дискурса), имеющий принципиальное значение для наиболее последовательной и непротиворечивой их трактовки. Делается попытка выявить данное соотношение посредством детерминации понятий текста и дискурса в системе языка/речи. Предлагается определение дискурса в русле решаемого вопроса.

Ключевые слова: текст, дискурс, язык, речь, система языка, система речи, текстуальный анализ, дискурсивный анализ.

Вопрос о соотношении текста и дискурса является спорным в современной лингвистике. Вместе с тем, он имеет принципиальное значение для трактовки этих понятий, которая, кстати, также далеко не однозначна. Бесспорно лишь то, что текст и дискурс – смежные понятия. Как показывает обзор научной литературы, большинство определений дискурса даётся через текст, но, чаще всего, текст, осложнённый некоторыми характеристиками: «Дискурс – это текст...». (Есть, конечно, работы, где термины «текст» и «дискурс» используются как тождественные, взаимозаменяемые [14]. Но это, по нашему мнению, неправомерно, в силу хотя бы того, что нецелесообразно обозначать одно явление разными терминами. Кроме этого, не во всех контекстах возможна их взаимная замена). Поэтому, на наш взгляд, наиболее логично выстраивать рассуждение от определения текста через выяснение соотношения текста и дискурса к определению дискурса.

Разногласия в трактовке текста во многом обусловлены неоднозначным пониманием его статуса по отношению к дихотомии язык / речь, идущей от В. фон Гумбольдта и научно обоснованной Ф. де Соссюром. Как известно, Ф. де Соссюр, говоря о речевой деятельности (langage) как о совокупности всех языковых явлений, выделяет в ней две основные составляющие – язык, langue (собственно язык) и речь, parole (конкретные речевые акты) и признаёт за языком социальный, устойчивый, системный характер, а за речью – индивидуальный, свободный характер [16, с. 21–23]. Последние характеристики в современной лингвистике поддаются некоторой корректировке. Так, речь считают системной и социальной. Л.В. Щерба, говоря о трёх аспектах языка (речевая деятельность – «процессы говорения и понимания»; языковая система – «словарь и грамматика»; «языковой материал» – «совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» [18, с. 24–26]), уточняет дихотомию Ф. де Соссюра (язык / речь как процесс / речь как результат).

Текст относят то к сфере языка (узколингвистический подход) [1, с. 528–529], то – чаще – к

сфере речи (Л.М. Васильев, И.Р. Гальперин, Е.А. Реферовская, Т.В. Матвеева, Е.В. Ерофеева, А.Н. Кудлаева, В.Г. Костомаров, Е.А. Баженова, М.П. Котурова, Н.С. Валгина, К.А. Филиппов и др.).

Первая трактовка исходит из понимания текста как единицы высшего уровня языковой системы (в традиционном понимании языковой системы), ограничивается анализом формально-грамматической структуры текста – типов внутритекстовых связей, средств их реализации [1, с. 528–529]. Но совершенно очевидно, что анализ текста не может быть ограничен только его грамматикой, так как такой подход нивелирует многие свойства текста, в первую очередь, коммуникативные.

Помимо этого, по замечанию исследователей, смысл текста не сводится к сумме значений составляющих его языковых единиц, он значительно шире, так как осложнён индивидуальными интенциями, экстралингвистическими знаниями. И в этом – качественное отличие от языковых единиц [1, с. 530]. В этом, с другой стороны, – сходство текста с признанной речевой единицей, высказыванием, которое так же «строится не по принципу аддитивности, сложения составляющих его значений, а по принципу интегративности» [3, с. 77].

Кроме того, узкое, языковое понимание текста противоречит самому механизму функционирования языка. Первично, текст – это результат индивидуальной речевой деятельности. По мнению многих учёных, мы выражаем мысли посредством не отдельных высказываний, а целых текстов. И если признать вслед за Ф. де Соссюром историческую первичность речи по отношению к языку [16, с. 27], то именно текст обуславливает саму языковую систему, являясь (уже не в индивидуальном, а в обобщённом виде), согласно определению Л.В. Щербы, «языковым материалом» [19]. Л.М. Васильев представляет механизм функционирования языка следующим образом: «речевая деятельность → тексты → языковая система → речевая деятельность → тексты и т. д.». Продуктом речевой деятельности являются тексты, имеющие индивидуальный характер; социально обобщая тексты, мы получаем абстрактную языковую систему; она даёт возможность, средства для дальнейшей речевой деятельности [3, с. 19–20].

Следует упомянуть о третьей точке зрения на определение языкового / речевого статуса текста, признающей его двойственную соотносённость: «Конкретный, индивидуальный текст есть единица речи... текст как единица языка может быть определён как то общее, что лежит в основе отдельных конкретных текстов, то есть, так сказать, «схемы построения» или «формулы строения» текста или текстов разных типов» [5, с. 7]. В принципе, такое понимание могло бы быть приемлемым (при традиционном подходе к системе языка), если бы не обозначенное выше свойство интегративности значения текста.

Выход за рамки языка в понимании текста позволяет рассматривать его с точек зрения разных направлений: психолингвистического (О.С. Зорькина и др.), коммуникативно-прагматического (Н.С. Валгина, О.Л. Каменская, Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, В.И. Шаховский и др.), стилистического (В.В. Одинцов, Т.В. Матвеева, Н.И. Клушина, В.Г. Костомаров и др.); семиотического (Т.М. Николаева и др.).

Второй важный для нас спорный вопрос – соотношение текста с оппозицией «устная / письменная форма речи». Известна точка зрения, согласно которой текстами целесообразно считать лишь зафиксированную на письме речь (И.Р. Гальперин, В.В. Богданов, Т.И. Попова и др.). При этом в состав текстов не включается фиксация звучащей речи на электронных носителях. Лишь в письменном тексте, по мнению учёных, проявляются в полной мере все его признаки. И.Р. Гальперин рассуждает о том, что наблюдения над функционированием языка – это поиск в нём закономерностей, «островков организованности». Текст, являясь таким «островком организованности», «результатом сознательной обработки языкового выражения», должен быть лишён спонтанности [4, с. 11, 15]. Именно с этим связана привязка текста к письменной форме, которая, в отличие от устной, характеризуется подготовленностью, продуманностью.

Большинство учёных совершенно справедливо охватывают понятием текста и письменную, и устную формы реализации речи.

Важными для решения нашего вопроса – соотношение текста и дискурса – является определение существенных определяющих признаков текста, что будет способствовать более осмысленному разведению этих понятий. Так же, как у разных исследователей отличаются определения текста, варьируется и набор определяющих текстовых признаков, что во многом обусловлено аспектом освещения текста. При всём разнообразии этих признаков абсолютное большинство учёных говорит о следующих: структурная формально выраженная связность (когезия), содержательная целостность (когерентность), смысловая и композиционная завершенность. Более избирательно говорят о таких характеристиках, как: содержательность (информативность) (А.И. Горшков, Н.И. Клушина и др.);

смысловое единство (В.В. Одинцов, А.И. Горшков, В.Г. Костомаров и др.); структурность (упорядоченность, системность) (А.И. Горшков, В.Г. Костомаров, И.Р. Гальперин, В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева, Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова и др.); ограниченность (отдельность, обособленность) (А.И. Горшков, Т.В. Матвеева, О.Л. Каменская и др.); соотносённость со стилями и жанрами (А.И. Горшков, И.Р. Гальперин и др.); интертекстуальность (Н.И. Клушина, Т.М. Николаева, В.Г. Костомаров и др.); коммуникативная значимость (Т.М. Николаева, Н.С. Валгина, И.Р. Гальперин и др.); прагматическая установка и интенция (Н.И. Клушина, И.Р. Гальперин, Т.В. Матвеева и др.); двунаправленность (на адресата и воспринимающего адресанта) (Н.С. Валгина, Т.В. Матвеева и др.); восприятие текста реципиентом (Н.И. Клушина, Т.М. Николаева, Н.С. Валгина и др.); экстралингвистический фон (В.Г. Костомаров, В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева и др.).

С учётом всего сказанного, согласимся со следующим определением текста, предложенным Л.М. Васильевым: «Текст – структурно организованная и по форме и по содержанию совокупность речевых актов, характеризующаяся цельностью, законченностью и коммуникативной мотивированностью, т.е. уместностью, целесообразностью и целенаправленностью» [3, с. 20]. В этом определении, во-первых, отражена речевая сущность текста; во-вторых, не содержится ограничений по признаку формы речи (устной/письменной); в-третьих, отражены существенные признаки текста.

Перейдём к вопросу о соотношении понятий «текст» и «дискурс». Всё множество трактовок этого вопроса, на наш взгляд, исходит из того, как исследователи вписывают понятия текста и дискурса в системы языка/речи.

Высказывается мнение, что дискурс является третьим членом оппозиции язык/речь. Об этом заговорил ещё в 1940-х гг. бельгийский лингвист Э. Бюиссанс. Он вводит в бинарную сосюровскую оппозицию новый элемент – дискурс, определяя его как некий проводник между абстрактной языковой системой и живой речью; как механизм актуализации языка в речи [11]. Дискурс – «нечто парадоксальным образом и «более речевое», нежели сама речь, и одновременно – в большей степени поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым «более языковое»» [9]. Такое понимание сопряжено со сведением дискурса к диалоговому взаимодействию как обмену репликами. С этим можно связать известное противопоставление дискурса/диалога тексту/монологу, что совершенно неприемлемо, поскольку мы считаем (в духе М.М. Бахтина, Э. Бенвениста), что любой текст, по большому счёту, – это диалог (даже если собеседник потенциален, а его реакция – замедленного действия).

Наиболее общепринята точка зрения, согласно которой дискурс соотносим со вторым членом пары язык/речь. Но трактуют это соотношение по-разному. Всё зависит от того, какой аспект речи берётся за отправную точку анализа.

1. Исходит из понимания системности, структурированности речи. Существует распространённое мнение, что текст – это языковая единица, а дискурс – речевая. Такое противопоставление максимальных единиц языка и речи, казалось бы, логично завершает оппозицию более мелких единиц: фонема – звук; морфема – морф, лексема – словоформа, предложение – высказывание, текст – дискурс. Наверное, с обозначенной оппозицией связано предложенное Т. ван Дейком и достаточно распространённое мнение о тексте как абстрактной сущности, актуализирующейся в дискурсе [6]. Такое понимание противоречит принятой нами точки зрения о тексте как речевой единице, продукте речевой деятельности.

2. Исходит из трактовки дискурса как речи звучащей, связанной лишь с устной формой передачи информации. Текст при этом соотносится с письменной формой. Отсюда – провозглашаемая рядом учёных оппозиция «письменный текст vs устный дискурс», а также разграничение лингвистики (письменного) текста и дискурс-анализа (устной речи) [12, с. 87–88]. Такое понимание восходит к англоамериканской лингвистической традиции, где предметом дискурс-анализа выступает устный диалог.

3. Исходит из отождествления дискурса речи в широком (сосюрковском) её понимании – как процесса и результата («речевой деятельности» и «языкового материала» в триаде Л.В. Щербы). Следствием такого понимания является возведение дискурса до статуса родового понятия, объединяющего речь (устную) и текст (письменный) [12, с. 89–90; 2, с. 4–6]. Последние две трактовки неприемлемы в силу сужения рассматриваемых понятий (речь, дискурс, текст), сведения их к одной из форм (устной/письменной).

4. Исходит изначально из соотношения дискурса с речью в её процессуальном аспекте (речевой деятельностью, по Л.В. Щербе). Это даёт основание значительной части исследователей считать правомерным соотношение дискурса/текста как процесс/результат процесса (В.Е. Чернявская, Т.В. Милевская, Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова, Н.В. Петрова, В.З. Демьянков, А.В. Зеленцов и др.). Считается, что это не противоречит самой этимологии слов «дискурс» («бег в разных направлениях»), то есть процесс) и «текст» («ткань, сплетение, соединение», то есть предмет, результат действия) [7]. При подобном понимании, на наш взгляд, затрудняется сам анализ дискурса, так как совершенно неясно, что будет являться предметом подобного анализа. Кроме того, по справедливому замечанию К.Я. Сигала, «с онтологической точки зрения результат любой человеческой дея-

тельности, в том числе и речевой, не может быть принципиально отчужден от самой деятельности и ее закономерностей, а его структура в известном смысле обусловлена структурой его продуцирования» [15, с. 42].

Наверное, осознавая это, обозначенную трактовку часто логически доводят до понимания текста как части дискурса, возводя дискурс до статуса речи в широком понимании, разграничивая при этом его процессуальный и результативный аспекты (дискурс как процесс – собственно дискурс; дискурс как результат – тексты, а также их совокупность) (В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова, Н.В. Петрова, В.Е. Чернявская, Т.В. Милевская и др.). Тогда в плане анализа всё встаёт на свои места: исследование дискурса включит анализ текста (с его текстовыми характеристиками) плюс «процессуальные признаки» – анализ когнитивных механизмов его порождения и восприятия, коммуникативных условий его осуществления, ситуации его протекания [13, с. 129; 18, с. 231–232]. Но понимание дискурса как результата даёт отождествление терминов «текст» и «дискурс» (дискурс-результат = текст). В тексте как результате дискурса-процесса, по логике, должны реализоваться все «процессуальные дискурсивные признаки», и поэтому текст в таком понимании – это больше, чем текст, он приравнивается дискурсу.

5. Исходит из соотношения дискурса с речью как результатом («языковым материалом», по Л.В. Щербе). Дискурс понимается как некоторая структура, большая, чем текст – совокупность текстов. Текст при этом определяется в качестве минимальной единицы иерархической структуры дискурса [8, с. 28–36]; либо «составного элемента дискурса, соотносящегося с соответствующей ментальной сферой», включённого в данный дискурс, наряду с другими тестами, на основе тематической или коммуникативно обусловленной общности [10, с. 24].

Но понимание дискурса как совокупности текстов, по большому счёту, не разводит понятия текста и дискурса, а напротив, максимально сближает.

Чтобы избежать такого нежелательного сближения понятий, против которого мы высказывались изначально, рассмотренную точку зрения (дискурс как результат речевой деятельности) необходимо уточнить. Здесь, по нашему мнению, поможет трактовка дискурса не в качестве текста и не в качестве совокупности текстов, а в качестве максимальной единицы текста, а именно – «интерпретированного автором или читателем (читателями) текста, т. е. такого текста, который понимается (мыслится) с учётом социальных, ситуативных, коммуникативных, культурных и иных условий (предпосылок) его порождения (создания) и функционирования» [3, с. 20–21]. Такая точка зрения хороша тем, что она логично возводит дискурс

до максимальной единицы анализа текста, анализа высшей стадии, дискурсивного анализа.

Дискурс-анализ начинается с анализа текста, основывается на нём. Текст становится дискурсом, когда мы переходим от анализа текстовых признаков (о которых говорилось выше) к их дискурсивному освещению. В связи с этим правомерен вопрос: где заканчивается текстуальный анализ и начинается дискурсивный?

По замечанию В.Е. Чернявской, на уровне анализа текста «устанавливается коммуникативная функция текста, его коммуникативные центры, выявляется, что сообщается в тексте, кому адресовано сообщение, как актуализируется в текстовой ткани адресат, каковы стратегии тематического развёртывания, обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, как актуализируются определённые сегменты знания и т. п.». Анализ дискурса начинается «с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и других факторов» [17, с. 78–79]. Таким образом, в центре внимания дискурсивного анализа – максимально объёмная интерпретация текста, достигаемая посредством привлечения в ход интерпретации экстралингвистического контекста, основанная на учёте когнитивных процессов порождения и восприятия текста, прагматических параметров, связи с другими текстами.

Итак, мы считаем, что и текст, и дискурс правомерно считать результатами речевой деятельности. Дискурс понимается нами как максимальная единица текста, предмет дискурсивного анализа. Дискурс, таким образом, будет обладать всеми текстовыми признаками, но рассматриваться они будут под призмой дискурс-анализа, то есть с учётом механизмов порождения и восприятия текста, коммуникативной ситуации, а также в свете широкого экстралингвистического и интертекстуального контекста.

Вместе с таким пониманием не следует отказываться от определения дискурса как определённой совокупности текстов, с тем лишь уточнением, что это совокупность текстов дискурсивного уровня, то есть уровня дискурсивного анализа.

Итак, в результате прослеженного нами соотношения понятий текста и дискурса намечилось два определения дискурса: дискурс как дискурсивный текст, то есть текст-дискурс, и дискурс как тип дискурса. Это позволяет определить дискурс следующим образом. Дискурс – это 1) текст, соотносимый с ситуацией общения (с историческим, социально-культурным, политическим, идеологическим, психологическим и др. контекстом), с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство (дискурс как дискурсивный

текст, текст-дискурс); 2) дискурс – это совокупность обозначенных текстов, основанных на общности некоторых признаков (дискурс как тип дискурса).

Таким образом, обращение к выявлению соотношения понятий текста и дискурса имеет определяющее значение как для теории текста, так и для теории дискурса. Предложенный нами ход рассуждений – от определения текста, через выявление соотношения текста и дискурса, к определению дискурса – позволяет прийти к наиболее последовательному и непротиворечивому пониманию природы рассматриваемых понятий.

Литература

1. Баженова, Е.А. Текст / Е.А. Баженова, М.П. Котюрова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 528–533.
2. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение: учебное пособие / В.В. Богданов. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 67 с.
3. Васильев, Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учебное пособие / Л.М. Васильев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. – 206 с.
4. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Ком Книга, 2007. – 144 с.
5. Григорьева, В.С. Проблемы теории и интерпретации текста: учебное пособие / В.С. Григорьева. – Тамбов: ТГПИ, 1987. – 120 с.
6. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
7. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и слова обыденного языка / В.З. Демьянков. – <http://www.infolex.ru/Txtlsvol.htm>, дата посещения – 31.10.2010
8. Ерофеева, Е.В. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС / Е.В. Ерофеева, А.Н. Кудлаева // *Проблемы социо- и психолингвистики: сб.: ст. / под ред. Т.И. Ерофеева*. – Пермь, 2003. – Вып. 3 – С. 28–36.
9. Кибрик, А. Дискурс / А. Кибрик, П. Паршин // *Онлайн Энциклопедия Кругосвет*. – <http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye-auki/lingvistika/DISKURS.html>, дата посещения – 31.10.2010.
10. Клушина, Н.И. Стилистика публицистического текста / Н.И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
11. Кожемякин, Е. Дискурсивный подход к изучению культуры / Е. Кожемякин. – <http://www.dyscourseanalysis.org/st6.html>; дата посещения – 31.10.2010.
12. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
13. Петрова, Н.В. Текст и дискурс / Н.В. Петрова // *ВЯ*. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

14. Потапова, Р.К. *Язык, речь, личность* / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.

15. Сигал, К.Я. *Сочинительные конструкции и дискурс* / К.Я. Сигал // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. – 2001. – № 5. – С. 42–45.

16. Соссюр, Ф. де. *Курс общей лингвистики* / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.

17. Чернявская, В.Е. *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб*

ное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

18. Чернявская, В.Е. *От анализа текста к анализу дискурса* / В.Е. Чернявская // *Текст и Дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр.* / под ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230–232.

19. Щерба, Л.В. *Языковая система и речевая деятельность* / Л.В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

Карамова Айгуль Айратовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, методики преподавания русского языка и литературы, Башкирский государственный университет, Бирский филиал. E-mail: Kar_AA@mail.ru

*Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2013, vol. 10, no. 2, pp. 19–23*

TEXT AND DISCOURSE: NOTIONS CORRELATION

A.A. Karamova, Birk Branch of Bashkir State University, Birk, Russian Federation, Kar_AA@mail.ru

The article deals with the knotty issue of the closely related linguistic notions (text and discourse) correlation having crucial significance for their coherent and noncontroversial treatment. The author aims at revealing their correlation by means of determining the text and discourse notions in language/speech system. A definition of discourse is proposed within the framework of the problem solved.

Key words: text, discourse, language, speech, language system, speech system, textual analysis, discursive analysis.

Поступила в редакцию 22 марта 2013 г.